

МАССОВЫЙ ОБРАЗ ПРОШЛОГО И ПОЛИТИКА ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

Лев Гудков

Время и история в сознании россиян (часть I)

Путешествуя в прошлом году по Каналу и беседуя с множеством людей, в том числе с детьми ссыльных и бывших ээка, я с изумлением обнаружил, что все они гордятся этой стройкой — словно египтяне своими пирамидами.

В. Вильк¹

Время: предварительные замечания. Данная статья продолжает серию публикаций сотрудников Левада-Центра, выполняемых в рамках сквозного для нас исследовательского проекта «Советский человек»². Прежде чем перейти к содержательному анализу временного, в том числе и исторического, сознания «советского человека» необходимо определить, что такое «время» с точки зрения социолога и каковы его типы и разновидности, включая и те представления о прошлом, которые в обиходе называют «историей». В своем понимании социального времени я исхожу из трактовки времени И. Канта, утверждавшего, что время — это априорное условие предметных созерцаний (порядок последовательных представлений)³, и определяю социальное время как порядок, последовательность социальных действий индивида, ожидаемую или предполагаемую частоту повторения взаимодействий индивида с другими акторами, чья принадлежность к определенным социальным группам или к социальным институтам оказывается значимой для самой этой последовательности действий. В соответствии с этим подходом в качестве меры времени могут приниматься лишь различные типы социального действия, выступающие в качестве средств согласования (сопоставления) одних последовательных действий с другими, выстраивания порядка их организации, последовательности,

приоритетности (иерархичности)⁴. Содержательность (специфика, структура) социального времени зависит именно от того, какое именно социальное действие принимается в качестве нормы «времени», какие конвенции устанавливаются (принимаются, навязываются и кем) в отношении подобного порядка согласования социальных взаимодействий.

В редких исследованиях времени (культурологов, историков, социологов) внимание в первую очередь обращают на частоту повторения однотипных форм социального действия (взаимодействия), тогда как организация более сложных, агрегированных форм согласования действий, повторяющихся временных порядков, социальных «ритмов», определяющих циклы коллективной жизни, обычно остается на втором плане. Важнейшей задачей для анализа временных аспектов социальных образований становится необходимость установления связи между семантикой времени (идейными, культурными, ценностными значениями временных порядков, ритмов, смыслов действия) и социальными формами обобществления (устойчивыми социальными структурами взаимодействия — группами, сословиями, институтами,

¹ Вильк М. Волок. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. С. 60.

² См. предыдущий номер «Вестника». С. 8.

³ Кант И. Собрание сочинений: В. 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 135–139.

⁴ Важнейшими для меня в данном отношении работами являются две статьи Ю.А. Левады: К проблеме изменения социального пространства-времени в процессе урбанизации; О построении модели репродуктивной системы (проблемы категориального аппарата) // Он же. Статьи по социологии. М., 1993, с. 39–49 и 50–60. О времени и часах см. также: Гудков Л., Левинсон А. Вещь глазами социолога // Декоративное искусство СССР. 1987. № 7. С. 14–18.

общностями, слоями и т. п.). «Убыстрение» или «замедление» социального времени означает усложнение структуры социального действия или, напротив, ее упрощение, примитивизацию нормативной структуры социального взаимодействия и изменение ритмов социальной жизни.

Выделение (растущая относительная автономизация) различных систем времени и все большее и большее подчинение в современных обществах различных явлений социальной жизни наиболее формальным, универсальным средствам согласования социальных ритмов становятся производными от усложняющихся структур социальной организации. Чем интенсивнее идут процессы отделения места и времени работы от дома, культовых ритуалов от производства, домашних занятий и связанных с ними представлений семьи от других типов общностей, «свободного времени» (т. е. собственного времени «индивида», субъективно распоряжения собой и своими ресурсами), символических институтов от тех, которые обеспечивают соблюдение общих правил поведения, а их вместе, в свою очередь, — от производственных или, в самом широком плане, инструментальных типов действия, тем больший объем определенных социальных функций (видов деятельности) переходит от одного института другим, специализированным институтам. Например, обучение и социализация, забота о пожилых, лечение, производство, поддержание порядка и прочие особые виды деятельности, которые раньше составляли повседневную жизнь семьи, в современных обществах все в большей степени раздаются специализированным учреждениям. А это означает усиление значимости медиаторных структур — коммуникаций, согласования, соизмерения, интеграции, общей социализации.

Умножение типов социального времени в этом ряду сопряжено как с увеличением диапазона и растяжением самих «шкал» перемещений (т. е. с горизонтальной или вертикальной мобильностью), так и с изменениями в социальной морфологии общества: появлением досуга и его усложнением, участием в разнообразных формах социальной жизни — экономической, политической, общественной, любительской и т. п. Другими словами, в самом общем виде аналитическая фиксация структуры времени обусловлена возможностями интерпретации структуры ценностей данного общества и его составляющих, степенью ее автономизации, «обобществления», как говорили немецкие со-

циальные философы, в том числе и К. Маркс. Чем сложнее структура общества, тем в большей степени индивиды, составляющие это «общество», эмансипируются от принадлежности к каждому отдельному кругу социального взаимодействия, к отдельной социальной группе или институту, тем в большей степени человек выступает распорядителем собственного «социального времени», определяя его порядок в соответствии со своими приоритетами и действиями. И, напротив, чем проще (или в известном плане — архаичнее) социальная структура (групповая и институциональная морфология), тем более жестким и принудительным является порядок социального взаимодействия. Предельным случаем почти полностью тотальной, а потому самой примитивной организации времени в современности (в XX в.) оказывается концлагерь — нацистский лагерь уничтожения или ГУЛАГ. С ними не могут сравниться любые иные формы «узилища» (Asylum), описанные И. Гофманом (монастырь, больница). Не может сравниться даже армия (казарма), хотя она, особенно в советско-российском варианте массовой мобилизационной армии, всеобщей обязательной службы по призыву, также являет собой образец современного крепостного состояния человека, не имеющего свободного времени или очень ограниченного в своем «личном» времени. Как и в традиционном социуме, в концлагере нет необходимости в часах (как механическом средстве внутренней, субъективной синхронизации ритмов социальной деятельности), поскольку весь порядок отношений регламентирован «извне», а спектр наказаний за отклонение неширок и предельно репрессивен.

Время «линейное», или «физическое», «объективное», направленное из прошлого в будущее, измеряемое равномерными отрезками «пустой», «внесобытийной» или «формальной» шкалы, — самая поздняя форма времени. Ее распространение (но не возникновение!) соответствует периоду утверждения «современной» европейской «культуры», просвещения, образования (а позднее — модерности) с характерными для нее атрибутами — инструментальной рациональностью, техничностью, трагической разорванностью индивидуального существования (в силу конечной бессмысленности жизни), «борьбой» или «смертью богов». Авторитет представителей этих сфер, выступавших в качестве новой элиты, пришедшей на смену аристократии, — ученых, инженеров, промышленников, финансистов — оказался настолько высок,

что присущие им категории мышления в новом «обществе» воспринимались как «естественные», а соответственно, и само линейное время оказывалось универсальной, и в силу этого — «изначальной» формой времени вообще. Линейное время — такой же (гомологичный) продукт эпохи Нового времени (протомодерности), как и другие универсальные системы координат и техники измерения — линейная перспектива в живописи, идеи универсальной истории человечества, литературы, географической сетки широт и меридианов, понятия метода в позитивной науке, позитивное формальное право, представительская форма правления, метрическая система мер и весов, кантовская философия разума и морали, распространение почты и всеобщих транспортных коммуникаций (железных дорог, морского и наземного регулярного сообщения), всеобщего (реального) образования¹, а позднее — массовой призывной и мобилизационной армии, прессы, индустриальной технологии и основанной на ней и на универсалистской финансово-кредитной денежной системе свободной рыночной, т. е. капиталистической, экономики и других подобных институциональных форм.

Легитимность этих новых институциональных форм была настолько сильна для относительно образованных групп, составлявших то, что мы теперь называем «обществом», что они подчинили себе более архаические формы времени и организации социального поведения, изменив соотношение символических и инструментальных функций. Самые высокие для нас ценностные значения коллективной жизни, смыслы группового или институционального поведения мы можем выразить только в языке архаических форм, в том числе — и форм времени (циклического, литургического, мифологического, времени обетования и т. п.), но никак не современных значений, или, точнее, значений «современности», оперирующей либо с категориями линейного времени, либо с «субъективным», но потому не подлежащим генерализации, а часто — и квантификации, временем. Такова роль праздников и ритуалов (семейных, государственных, общественных), воспроизводящих порядок циклического времени и имеющих статус воспоминаний о реальном или символическом событии, в которое верят, значимость которого для некоторого

¹ Именно тогда же возникает идея университета нового типа, образцом или моделью которого стал новый, ориентированный на гуманитарные дисциплины и практический реализм университет в Геттингене, а также гимназии.

коллективного целого признают. Апелляция к прошлому играет роль традиционной или традиционалистской легитимации существующего порядка или отдельных его элементов². Литургическое время церковного или религиозного обряда соединяет в единое состояние «начальное» и настоящее время, время свершения события, время испытаний, жертвы, спасения и время воспоминания о нем³. Переживание

² В основе любого подобного праздника лежит очень стертая или вырожденная структура аграрных обрядов и ритуалов — похорон и воскрешения — с элементами особой еды, «жертвы», симпатической магии, оргиастики, опосредования сил потустороннего и тутошного, земного мира. Особая атмосфера ожиданий, приподнятости, повышенной знаковости поведения (одежды, отношений, жестов, языковых кодов и т. п.) указывает на проигрываемые при этом, т. е. представляемые, ресемантизируемые значения части и целого. Поэтому в самих праздничных формах, циклически повторяющихся ритуалах и церемониях (смерти и воскрешения или нового «рождения»), всплывают и оживают слои магического сознания, возникают тождества «заключения и действия», пожелания и исполнения, снимающие границу различности разных модусов реальности.

³ Характерно, что мир высших значений семантически может быть представлен лишь как сфера неизменных сущностей, образов и символов (как говорил Кант, «звездное небо над нами»); он статичен, неподвижен, вечен, т. е. изъят из «времени», лишен временных влияний. Там нет поля для человеческих, индивидуальных, субъективных действий. Значимость ценностных представлений в некоем условном пространстве предпочтений или иерархии ценностей, ограниченной перспективой рассмотрения, может быть выражена только через постепенное устранение временных характеристик значений ценностей. «Вечность», собственно, и означает изъятие возможности влияния на них человека, несоизмеримость повседневных человеческих значений и смысловых сущностей этой зоны, неприкосновенность, несоизмеримость для профанов мирового порядка и собственной жизни. Этим этически рационализированная идея надличного бога отличается от сферы магического. Магия (культ) предполагает возможность воздействия и влияния на высшие силы, связь с ними настоящего и повседневности через акт сверхъестественной коммуникации и воздействия (что предполагает наличие у посредника харизматических способностей). Однако в этом случае боги, божества, божественные силы (демоны, святые и духи и проч.) не совместимы с этической (или ценностной) рационализацией мира, который как целое остается поэтому иррациональным, многоставным, множественным. Напротив, идея безличного бога включает в себя совершенство всего мыслимого и сущего, возможность интеллектуального снятия всех противоречий, но именно поэтому он недоступен для воздействия, а значит, и изменения; он вечен и вездесущ, а потому лишен характеристик изменчивости. Поэтому, кстати, идея конструирования системы ценностей как выражения полноты культуры, выдвинутая и защищаемая, например, Г. Риккертом, немедленно натолкнулась на резкую методологическую критику со стороны Э. Трёльча. (см.: *Trötsch E. Historismus und seine Probleme. Buch 1. Das logische Problem der Geschichtsphilosophie. Ges. Werke, Bd. 3. Tübingen, 1922*). Перенос значений предельной длительности времени на значения и символы более низкого порядка, например, политические образования или союзы (тысячелетняя Россия, тысячелетний Рейх и т. п.) указывает на стремление идеологов этих образований к иммунизации подобных значений от критической рефлексии (от понимания генезиса и функций этих идеологических образований) и отключение внимания обывателя, массового человека от характера организации власти, суггестию коллективных символов целого.

его в момент церемониала обеспечивает выход «из себя», из связанности повседневными отношениями и заботами и соединяет конечные значения или состояния с актуальным положением вещей, проявляя их трансцендентальный смысл, статус в иерархии соотношений, переопределяя значения части и целого (жизни, народа, веры), невыразимых на языке обыденности. Язык экстраординарности апеллирует к таким категориям, как вождь и чудо, враг рода человеческого и условия спасения от полной гибели, абсолютной смерти, мифологическое тождество слова (клятвы, пожелания, обетования, угрозы) и действительности, т. е. соединение времени тревоги, заботы и надежды, модальности осуществления.

В противоположность этому восстановлению смыслового целого, которое может быть только мифологическим (проступающим сквозь современные формы идеологии и практического поведения), секуляризованное время мечтаний, грез, желаний, включая и консьюмеристскую психологию обыденного, представляет собой цепочки или звенья прежних мифологических образований, радикалы архаики (трикстерские посещения верхнего и нижнего мира, помощь «чудесных помощников» или обратное течение времени, как в платоновском мифе о том, что люди рождаются стариками и постепенно молодеют, пока не становятся бессмысленными младенцами и не исчезают).

Линейное или универсальное время охватывает все прочие формы организации времени, синхронизирует их на чисто условной, формальной шкале бессобытийного, бескачественного порядка, допускающего любые действия и взаимодействия (по масштабу, протяженности, конструкции представлений, вектору направленности событий и т. п.). Устойчиво воспроизводящийся социальный порядок взаимодействий задает всеобщие шкалы социального времени, тем самым вводя известный релятивизм в проблематику социального времени отдельных групп и институтов. Но релятивизм этого рода не содержательный, а методический: он требует принимать во внимания субъективно полагаемые самим действующим смыслы действия (своего и своего партнера или третьих лиц), их сочетания и последовательные порядки согласования. Универсальное время может возникнуть только в границах современного общества или синхронизации действий с ним. А это означает наличие многообразных и дифференцированных социальных институтов и сложнейшей групповой структуры, коорди-

нируемых универсальными формами синхронизации времени.

Возможно существование едва, полу- или недомодернизированных обществ, *некоторые* институты которых (при исключении всех остальных) функционируют в режиме универсального времени. Таковы были при Сталине научные институты, связанные с военным производством или разработкой атомного оружия, разведка и другие, выпадавшие из состояния закрытого социума и имевшие доступ к мировым каналам информации. Но сохранять подобный режим закрытости на протяжении долгого времени невозможно, поскольку такое состояние означает отсутствие институциональной дифференциации, а значит, стагнацию общества, экономики, науки или их деградацию¹.

Для нас здесь важно обратить внимание на то обстоятельство, что широкое распространение в России линейного времени и соответствующих социальных и культурных форм сознания и поведения, — достижение самого недавнего прошлого. Сами механические часы (напольные), в отличие от Западной Европы, появились в России лишь при Алексее Михайловиче, т. е. в конце XVII в., когда в Европе давно уже производились часы для персонального пользования — в виде брелка («луковицы»), кулона или даже перстня, а при поездках использовались более громоздкие часы в специальных футлярах размером с наш будильник. То же самое можно сказать и о появлении городских часов — курантов в Москве, которые, в сравнении с западноевропейскими городами, запоздали на два-три века. Конечно, в монастырях и центрах церковной жизни были свои системы литургического времени, но они, как правило, не оказывали влияния на порядок организации жизни вне своих пределов.

¹ Выход из режима закрытого общества тоже происходит «не вдруг», не «революционным путем», а постепенным расширением круга допущенных к информационным каналам. Рано или поздно ослабляется режим спецхрана в крупнейших библиотеках, а сами библиотеки классифицируются по ступеням доступа: то, что закрыто в ГБЛ и, тем более, в областных или университетских библиотеках, может находиться в открытом доступе ИНИОН, — увеличивается выезд за границу, чтение на иностранных языках и т. п. О цене этой закрытости (задержках во времени) мы можем пока лишь догадываться, судя по той степени интеллектуальной неразвитости или некомпетентности российских элит, оказавшихся не готовыми к социальной модернизации страны, что с такой силой проявилось в 1990-е гг. и позже. Об «отсталости» основной части населения России, в сравнении даже с обществами других восточноевропейских стран, таких, как Чехия, Польша, Словения, можно судить по скорости «возвращения» на более низкий уровень культурного и социального развития, о чем свидетельствует «выход на поверхность» традиционалистских стереотипов, социальных предрассудков, комплексов национальной неполноценности и фобий.

За исключением тончайшего слоя урбанистической культуры в императорской России, носителями которой были аристократия, служивое дворянство, чиновничество, купечество, промышленники, представленные не только в немногочисленных городах, но и в усадьбах с их характерным образом жизни, средства измерения времени, как и сознание сложности самой структуры времени, в России отсутствовали. Поэтому можно сказать, что идея сложного времени — актуального, прошлого, будущего, — тем более идея универсальной истории, в которой отечественная история составляет лишь часть всего целого, начинает усваиваться обществом лишь с появлением массовых социализационных институтов: высшего общедоступного (а не сословного) образования, средней школы, СМИ, всеобщей армии по призыву (внутри которой работают, кстати говоря, военные школы, инициированные военным министром Д. Милютиним), развитой транспортной системы (железных дорог), а также практики тотальной индустриальной войны — Первой мировой войны. Величина слоя, пользовавшегося часами (и соответственно, имевшего какое-то понятие о линейном времени), в конце XIX — начале XX вв. в России не превышала 2% населения, но и этот тонкий, хотя и быстро растущий вплоть до начала Первой мировой войны слой урбанистической культуры был «уполовинен» к середине 1920-х гг.

Вопреки кажущемуся хаосу размерностей, следующему за такой посылкой («время — последовательный порядок социальных действий»), типы времени, как и другие типы устойчивых взаимодействий в обществе, не представляют для социолога бесконечного многообразия. Как и другие социальные формы, временные размерности взаимодействия обусловлены коллективными формами регуляции поведения, а это значит, что время может быть сведено к институциональным, групповым (большим или малым группам) или конвенциональным формам определения взаимодействия. «Отсутствие» времени или «выпадение из времени» («влюбленные часов не наблюдают», состояние культурной или психологической прострации или религиозной медитации) означает лишь то обстоятельство, что в данном взаимодействии нет фиксированного, т. е. нормативно определенного, порядка согласования последовательных действий или, напротив, он настолько жесткий, что не требует специальных, выделенных регуляций и определений. Сверхрегламентированный, а потому полностью соответствующий

нормативным ожиданиям или традиционным предписаниям порядок последовательных действий (взаимодействий), упраздняющий любые ожидаемые — приятные или неприятные, желаемые или нежелаемые, оцениваемые каким-то образом в соответствии с значимыми ценностями — события, выступает как «скука», «неинтересность», «рутина» повседневности («День тянется, а годы скачут», — как утверждают бывшие заключенные концлагерей).

Основная масса повседневных действий протекает в рамках групповых или институциональных *ролевых взаимодействий*, а значит, и нормативных определений и характеристик действий: семейных, рабочих, экономических, учебных, дружеских и т. п., или *игровых структур социального действия* — флирта, конфликта, демонстраций, исполнения ритуалов и т. п.

От социального (актуального) времени следует отличать специфические формы временных представлений действий, не связанных с непосредственно актуальным взаимодействием (или взаимодействием с мнимыми партнерами):

- 1) **аттенциональное (или субъективное) время** воспоминания, фантазий, мечтаний, воображения, переживания, проектного расчета, а также
- 2) различные формы **культурного времени**. Последние представляют собой формы и способы упорядочения (символизации, синхронизации) различных *систем записей времени* или *систем фиксации представлений* социального времени.

Культурное время, в отличие от социального, лишено идеи или представлений о конкретном субъекте действий и взаимодействия и предназначено для систематического выстраивания последовательных порядков согласования различных типов социального времени. Именно к области культурного времени принадлежат различные виды конструкций истории (построенные в виде историографий, хроник, различных вариантов и наборов *Exempla*, сюжетных нарративов, событийных изложений в определенной содержательной логике — например, творения, расцвета, зрелости и заката культуры, смерти каких-то форм социальных образований и т. п.) или времени социальных процессов (прогрессирующего развития или его типов — например, модернизационных или глобализационных процессов информатизации или, напротив, процессов социальной деградации и дегенерации, различные виды финалистских, телеологических процессов — урбанизация, распространение грамотности,

интегративные процессы, технологические революции, процессы диссоциаций и ассоциаций, формирование массового общества и проч.). Помимо них, к культурному времени принадлежат разного рода утопии (проспективные и ретроспективные), священные истории (теологические конструкции времени, в основе которых лежит идея спасения или Страшного суда, литургические времена), мифологические конструкции времени и безвременья (начальные состояния «до времени» — «жили-были», «в некотором царстве-государстве», «once upon a time») и проч.

Формы культурного времени зависят от базовых представлений о социуме и его конструктивной основе, типах действия, которые считаются доминантными в организации данного общества и власти в нем. Соответственно, мы можем говорить о *циклическом* времени (основанном на традиции, традиционном порядке представлений о реальности, структуре и распределении ролей и мало изменяемых механизмах его организации и воспроизводства), *линейном*, наиболее позднем и сложно устроенном о нем позже), *векторном* времени, или об *истории*, т. е. идеологических конструкциях времени — обусловленности настоящего цепочками или логикой событий прошлого, включая и версии «path dependency».

История в данном отношении не совпадает с тем, что называется «хрониками», «историографией», сводящейся к более или менее отрефлексированному перечислению важнейших (для держателей национальной культуры или идеологии) событий, выступающих в виде скрытых причин движения времени, или к «памяти», которая представляет собой индивидуальную версию событий, выстроенную как ответ на идеологическую конструкцию истории. «Память» (индивидуальная или коллективная, которая построена по схеме как бы субъективного воспоминания или набора опорных точек, символов для «воспоминания», т. е. образования связной «истории» целого или включения в целое) всегда альтернативна «истории», она отрывочна, эпизодична и подчинена логике частного или группового действия. «История» как содержание времени прошлого в коллективных представлениях представляет собой относительно систематизированные или упорядоченные массовые проекции на прошлое современного положения вещей, т. е. различные версии «происхождения» и «развития» больших коллективов или институтов — государства, «народов», «искусства», «религии», философии,

науки, нравов (или для более рафинированных и продвинутых любителей и знатоков — изучение истории идей и отдельных сфер культурной жизни: истории болезни, морали, стирки, популярной науки, спорта, секса, торговли, великих открытий), которые продвинули «вперед все человечество» или стали существенным вкладом отдельных народов в общий процесс цивилизации человечества.

Без каких-либо исторических компонентов невозможны устойчивые структуры массовой идентичности, поскольку они играют роль фиктивного генезиса настоящего положения вещей. Как показывает опыт всех наших исследований, социальные трансформации постсоветских обществ сопровождаются заметными напряжениями в структуре коллективной идентичности. Об этом свидетельствует усиление массового интереса к прошлому, попытки заново ответить на вопросы: «Кто мы?», «Откуда наши беды?» «Чем нам гордиться, а что, напротив, вызывает стыд?» Социологические исследования показывают устойчивое повышение спроса на историческую литературу, связанную с национальным прошлым, будь то массовая беллетристика, документальная проза или мемуары¹. Ответом на него оказывается, прежде всего, появление массы историков-любителей и разнообразные версии «подлинных событий», «разгадки истории». Возникают новые национальные мифы и легенды, узаконивающие давность и славу того или иного народа. Предметом гордости выступают военные победы в прошлом и величие державы, а стыдятся, главным образом, хронической бедности, неустроенности жизни, грубости нравов, произвола власти и неизбывной забитости населения «великой страны».

За право «правильно» интерпретировать прошлое конкурируют самые разные политические силы и группы — от «партий власти» до церкви. Академическая наука в России, несмотря на значительные достижения в последние годы, не в состоянии удовлетворить общественный голод на интерпретации прошлого и рационализировать понимание той ситуации, в которой оказались после краха коммунизма постсоветские страны. Она слишком зависима от государства, а потому, чтобы сохранить пространство своей профессиональной работы, старается казаться аполитичной и всеми силами дистанцируется от актуальных оценок событий и публичных интерпретаций прошлого.

¹ См.: Дубин Б., Зоркая Н. Чтение и общество в России 2000-х годов // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 6. С. 38–39.

Но проблема остается. Важно, что сегодня в российском обществе нет тех влиятельных интеллектуальных фигур и моральных авторитетов, мнения которых могли бы влиять на массовое понимание истории. Общество, несмотря на весь свой интерес к «истории», оказывается в ступоре перед фатальностью происходящего.

Кто держатель времени? Держателем времени, как и хозяином пространства, является тот (те), кто «делает время», кто определяет и задает общий последовательный порядок массовых социальных взаимодействий. Если схематически представить институты и влиятельные группы, задающие типы времени, то можно выделить два полярных типа инстанций. В зависимости от характера общественного устройства, здесь могут доминировать либо слабо дифференцированные властно-государственные институты («император», церковь, традиционное патерналистское или тоталитарное государство), либо «общество» («город» как воплощенное многообразие), представленное системой дифференцированных, а значит, относительно автономных институтов, функционально взаимосвязанных друг с другом и подчиняющихся представительным органам власти и управления¹. В первом случае мы имеем централизованное директивное управление, плановую распределительную экономику, производство, подчиненное задачам руководства сверхдержавы и ориентированное на интересы власти, армии, управления пространством, контролируемого силовыми ведомствами, типовую школу, единую транспортную сеть, отвечающую представлениям власти о необходимости и достаточности коммуникативной системы в стране. Во втором случае сталкиваемся с резким увеличением числа относительно независимых субъектов действия, руководствующихся собственными интересами и своими частными или групповыми мотивами, а значит, выбирающих по своему усмотрению партнеров и устанавливающих собственные сроки и параметры взаимодействия, хотя и при-

¹ Поскольку для наших задач – изучения посттоталитарных трансформаций – собственно традиционные институты не так важны (они служат лишь в качестве крайних значений шкалы различных типов организации «домодерность-модерность»), то мы принимаем во внимание прежде всего советский и постсоветский типы организации времени. Но для понимания природы социального и культурного времени представляется не лишним указать на то, что именно в городе начинается интенсивная дифференциация времени как эффект институциональной и социально-структурной дифференциации – появления цеховых образований, общностей разного рода, профессиональных различий (финансовых, торговых, производственных, религиозных, правовых) – и отделения этих нормативных порядков от семейно-родовых.

нимающих во внимание другие общие временные ритмы и размерности.

Время и история. Историческое сознание входит в систему временных представлений последовательности событий и знаний о них (если можно говорить об этом наборе воззрений как о «системе», а не об их «конгломерате»). Поэтому для начала разведем понятия «социальное время» и «культурное время». Если первое включает в себя совокупности порядков различных социальных действий (и взаимодействий), не всегда последовательных (поскольку время можно мыслить не только проспективно, как ориентированное на будущее, но и как обратимое, а также – воображаемое, параллельное действиям самого действующего), то второе – культурное время – представляет собой различные способы фиксации (записи) этих порядков последовательных представлений о действиях различных акторов, включая и самого действующего. Правильнее, может быть, было бы сказать, что культурное время – это способы фиксации различных ритмов (сочетаний, соединений) способов записей о порядках последовательных временных рядов и событий, действиях – реальных или воображаемых, иллюзорных, мифологических – тех или иных социальных фигур или лиц. Хозяевами «времени» могут быть только те, кому принадлежит действительность, т. е. у кого право господства, право управления собой и другими, право определения и оформления, конституирования реальности: государство, бизнес, церковь, школа, семья, производство, транспорт и прочие институты. Время никогда не является независимым и объективным, «свободным», оно всегда лишь порядок согласования поведения действующего с поведением других акторов и институтов. Поэтому порядок самых авторитетных (властных) институтов – институтов господства – определяет структуру социального времени.

В пределе можно выделить две инстанции, фиксирующие пределы свободы в обществе: 1) государственное время, принудительно назначаемое и поддерживаемое государственными ведомствами с помощью как учреждений насилия, так и социальных конвенций, «объективное» время и 2) субъективное время индивида, планирующего свою жизнь, располагающего собственными ресурсами упорядочения жизни и порядком предпочтения тех или иных своих действий и занятий. В традиционном обществе хозяином времени (распорядителем ритуалов)

выступает носитель традиционного авторитета: в Китае — император, в Риме — жрецы и городская администрация, в средневековой Европе — церковь со своим литургическими службами («часами») и магистрат каждого отдельного города; в ГУЛАГе, как пишет Солженицын, время (день, подъем) отсчитывалось ударами по подвешенному рельсу. Тот же порядок воспроизводился в игровых формах — в пионерских лагерях, в войсковых частях, в тюрьмах, в фабрично-заводских слободах и т. п. В СССР государственный день начинался с утреннего гимна по радио и синхронизировался по программе «Время», которую смотрел главный человек — Брежнев и т. п. Сельская жизнь текла по совсем иным ритмам, нежели городская, причем время заметно иным образом структурировалось в зависимости от социальных ролей — женского и мужского поведения (доения коровы и кормления скотины, сезонных работ и т. п.).

1990-е гг. — это период резкого ослабления режима закрытого общества, расширение социальных возможностей поведения, а значит, и появления других типов временных согласований социальных действий, среди которых принудительный порядок согласования государством уже не является единственным или общеобязательным. Но если параметры социального времени заметно изменились за последние 20 лет, то «культурное время» — система записей и согласований ритмов социального поведения, представлений о различных типах времени, характере и направленности социальных процессов, историческом прошлом, воображаемом — желаемом или нежелаемом, но избегаемом, а потому планируемом — будущем по-прежнему находится в подчинении государственным структурам и зависимым от них (кормящимся от них) группам. Культурное время в России не принадлежит обществу, поскольку само общество пока еще находится в зачаточном и очень слабом состоянии, не претендуя на авторитет и автономность.

Поэтому можно выделить следующих держателей культурного времени в России.

1. Авторитарное, самодостаточное государство, независимое от общества или, точнее, неподконтрольное ему — школа, пропаганда, армия и другие авторитарные институты со своим разным или видоизмененным временем, принудительно навязывающие свой порядок организации и управления. С установлением путинского режима государство стремится вернуть себе идеологические функции и контроль над обществом. Властные структуры пытаются вернуться к преж-

ним мерам и формам культурного времени — державной истории, а система записей должна обеспечивать производство государственных ритуалов; этому соответствует повторное, вслед за относительными послаблениями режима секретности, закрытие государственных архивов, ограничение комплектования национальных и общественных библиотек, навязывание единой идеологической конструкции преподавания в школе, сохранение разрыва между академической историей и сферой публичности.

2. Относительно обособленные или автономные (автономизирующиеся) институты (технология, производство, экономика, коммуникации и транспорт, медицина, наука, образование и т. п.), которые располагают собственным временем. Чем более инструментальными и технологическими являются сферы институциональной регуляции, тем менее значимы в них символические и идеологические моменты, и наоборот. В принципе, по мере эмансипации от государства эти структуры и сферы переходят на более универсалистские формы организации времени, или, другими словами, они присоединяются к глобальным системам организации времени либо адаптируют для своих целей и нужд формы и механизмы мирового времени (транснациональных корпораций, мирового рынка, западной науки и культуры). Но в репродуктивных институтах — школа, коммуникации, официальная наука — сохраняются и консервируются главным образом символические и идеологические элементы легитимации политической системы (и власти), а значит, и соответствующие ритуалы времени;

3. Общественные и групповые образования (публичные институты):

а) **общественная история** — история организаций гражданского общества («Мемориал», Союз писателей и т. п.);

б) **академическая история** (тоже весьма неоднородная по периодике, трактовке и самому материалу — в разные периоды в поле внимания историков оказываются разные фактические обстоятельства, действует проекция общественных и групповых интересов на плоскость «исторического»)¹.

¹ В деятельности академических институтов, обслуживающих власть (тоталитарный режим, управляемую демократию), присутствуют разные интенции в конструировании истории: идеологическое обеспечение нужд власти и готовности к фальсификации либо замалчиванию неприятных для властей событий прошлого, или более сложные позиции, обусловленные интересами сотрудничества историков с зарубежными коллегами, сознанием необходимости автономизации науки от власти при явной зависимости от нее в финансовом и административном плане, или достаточно независимой позиции таких индивидуальных

в) **семейная история** — хроники, личная память, пересказанная память, хранящиеся в семье документы; отражение государственной истории в памяти семейной хроники.

В нашем исследовании мы не столько говорим о социальном времени (оно вводится здесь только для того, чтобы сделать более отчетливым и понятным проблематику исторического сознания), сколько о разновидностях культурного времени, т. е. о сочетаниях, сочленениях различных систем записей и представлений социального времени. Поэтому на культурное время оказывают сильнейшее влияние различного рода ценностные факторы: явные и подавленные массовые желания и страхи, фобии, иллюзии, мифы, напряжения и интеллектуальные состояния массы (интеллектуальные способности различных социальных групп мыслить в более или менее рационализированных и инструментальных или технологических, формальных категориях, без которого всеобщность расчета и калькуляции собственного действия — а в этом и проявляется «общество» — оказывается невозможным).

Историческое сознание складывается из довольно сложного набора различных временных представлений, включающих в себя: а) сочетание расходящихся представлений о «большом» и малом времени, задаваемых и поддерживаемых государственными, коллективными и традиционными институтами и общностями, группами, включая семью, группами неформальных отношений и связей — компании друзей, знакомых, сетевых интересов и т. п. объединений, конституированных теми или иными ценностными значениями и символами; б) массовые иллюзии, надежды, страхи, окрашивающие восприятие истории в различные эмо-

историков и др. Но для нас в данном отношении важна прежде всего сама принципиальная роль академической науки в нынешнем российском обществе: полное отстранение от роли просветителей, отсутствие сознания общественной ответственности профессиональных ученых за собственную деятельность, за доступность результатов своей работы для более или менее широких слоев населения, самоизоляция научного сообщества. Нельзя сказать, что эти ученые-историки не совершают серьезные открытия, не появляются значительные работы по интерпретации тех или иных исторических процессов. Все это есть, и в этом плане отечественные историки едва ли уступают своим зарубежным коллегам, а во владении фактическим материалом советской и российской истории, естественно, превосходят их. Но такая корпоративная позиция означает отказ от задач рационализации происходящего, участия в публичных дискуссиях по пониманию прошлого, «Trauerarbeit», («работы траура»), характерных для других современных стран, прошедших фазу тоталитарных режимов. Учет этой общественной самокастрации профессионалов (и не только историков) чрезвычайно важен для понимания ограниченности воздействия элиты и интеллектуалов на общество и процессы социального изменения в посттоталитарной России.

циональные тона, задающие фон понимания или оценки событий, а соответственно, представления о направленности общего движения страны; в) интересы наиболее влиятельных групп, г) абберрации сознания (ошибки представлений и знаний), заблуждения, предрассудки, стереотипы, комплексы ущемленности, превосходства, неполноценности, являющиеся следствием «бессознательной» работы над коллективными травмами и проч. Эти представления структурированы идеологическими схемами (школьными или институциональными парадигмами толкования), мифами, коллективными символами, партийными симпатиями и чувствами принадлежности к той или иной общности. Чего здесь нет — так это рациональности, характерной для академической историографии с ее стремлением к фактичности, репрезентации сложности мотивов и обстоятельств исторических взаимодействий, противоречивости последствий того или иного поведения исторических субъектов.

Естественно, этот список всегда неполон, так как его состав определен задачами настоящего исследования и теоретическим интересом, позволяющим выделять соответствующие ритмы и механизмы согласования действий.

Каждому из названных типов коллективной истории и памяти соответствуют свои ритуалы, праздники, формы символизации памяти (памятники и статуи известных деятелей и фигур, архивы — государственные, публичные или домашние в виде старых документов, вещей, писем и альбомов с фотографиями), воспроизводящие циклическим образом моменты прошлого или, точнее, конструирующие эти моменты в актах «воспоминания», которые не являются воспоминанием¹.

¹ Ритуалы воспроизводства общностей — больших (государственные праздники) и малых (малых групп — семья) или «средних» коллективов (производственных, учебных, территориальных организаций), идеологических (у специальных объединений, вроде отмечаемого Дня политических заключенных», окончания блокады Ленинграда или Курской битвы и т. п.) — могут производиться ежегодно. Другие, имеющие иной тип символизации общности, менее определенной или связанной с конкретным социально-территориальным единством, могут иметь большие циклы и другие, юбилейные средства маркировки. Такого условия и процедуры коллективной меморизации круглых дат — например, 70-летие заключения пакта Молотова-Риббентропа и начала Второй мировой войны, 40-летие Пражской весны и проч. Интересно рассмотреть случаи скрещения двух линий символизации общностей, например, непривычную для современного светского государства картину подключения государства к мифологии сакрального и участия государственной элиты, среднего чиновничества в праздниках РПЦ либо утверждение в качестве праздничных дат совсем уж мифических событий, вроде лужковского Дня города, инициированного как чисто популистское мероприятие для поддержки московского мэра,

Праздники — чрезвычайно важный механизм удержания сюжетки коллективной истории. Они — свернутые коллективные драмы и мифы, периодически разыгрываемые в публичном пространстве и проявляющие надличную смысловую структуру базовых институтов общества, суггестивную картину целого или конструкции реальности, от которой индивид оказывается полностью зависимым и вне которой он лишается какой бы то ни было ценностной значимости. В противном случае (это гипотетическая объясняющая ситуация мысленного эксперимента) отдельный человек оказывается в ситуации гоббсовской «войны всех против всех» или, точнее, против всего целого общественного устройства — войны, обрекающей индивида на предельную маргинализацию. В этом, кстати говоря, одно из объяснений общественной и политической пассивности россиян.

В нашем случае, как мы увидим ниже, сюжетка коллективной российской истории содержит государственническую, имперско-милитаристскую легенду конституции национального целого, возникающего в ходе экспансии империи, предполагающей явное отождествление «народа» с великой державой, а идущую в течение столетий колонизацию смежных территорий и стран определяет как манифестацию национального превосходства русских (россиян), как триумф власти. Незначительность или подмена интересов власти и населения обеспечивают постоянный авторитет и признание статуса бюрократии. Поэтому главные функции истории (в нашем случае: подчинения массовых представлений о прошлом интересам власти) заключаются в следующем:

а) легитимация власти в целом и, в частности, легитимация действующей власти, тех, кто у власти сейчас, с вытеснением альтернативных представлений о прошлом, могущих усилить значимость и независимость влиятельных групп и сил в обществе, стремлением стерилизовать потенциал рационализации прошлого;

б) поддержание коллективной, групповой и личностной самоидентификации;

в) поддержание двоемыслия, сохранение раздробленности сознания (состояния «разбитого зеркала»), убеждение в том, что зло есть необходимый атрибут российской жизни (апологетика зла: все хищники, все гопники, но у некоторых это выходит, а у других нет).

но приобретшего, тем не менее, собственную значимость (см. об этом: Дубин Б. Будни и праздники // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2003. № 2. С. 52–62; Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009).

В содержательном плане структура российской истории воспроизводит опорные точки массовых представлений о прошлом, которые являются границами государственного (навязанного) времени и времени актуальной повседневности. Она наполнена остатками школьного обучения и элементами текущей пропаганды, закреплена в топонимике социального пространства и в символике государственности. Вопреки внешней рационализированности и даже светскости, глубинная основа ее конструкций задана мифологическими образами неизбывного зла, в борениях с которым вызывает нация, иррациональных, метафизических сил, противостоящих вневременному единству «мы», разнообразными «вызовами судьбы», актами «творения», архетипами «жертвы», «прихода спасителя» и проч. Но все это имеет место только по отношению к возвеличиваемому прошлому. По отношению же к настоящему мотивы и объяснения действующих лиц низводятся до уподобления их банальным кухонным склокам, мелочным побуждениям, приписывания низменных интересов, лишь слегка переодетых в категории «геополитики».

«...+ часовизация всей страны». Как показали исследования, проведенные Отделом социологии дизайна ВНИИТЭ¹, в России начало массовой социализации к сложным формам осознания и исчисления времени относится к периоду относительно широкого распространения карманных, а затем и наручных часов, без которых невозможно усвоение форм универсального сознания времени (линейного времени). То есть речь идет о середине 1930-х гг., когда стала поступать продукция 1-го и 2-го Московских часовых заводов, оборудование для которых было в 1931–1932 гг. закуплено за границей и по условиям мирового кризиса сравнительно недорого. До этого производство часов в России носило кустарный (в том числе ювелирный), штучный характер, часы импортировались из Европы. Перелом в данной сфере был развитием тех тенденций, которые намечены Первой мировой войной (необходимостью координации управления военными действиями со стороны офицерства), развитием массового спора.

При этом решение о часовизации доступа к новейшим техническим средствам измерения

¹ Социологическое обеспечение дизайн-программы «Часы». Руководитель — А.Г. Левинсон, исполнители — Я.С. Астафьев, А.И. Гражданкин, Л.Д. Гудков. Москва, 1985 г.

времени не было обусловлено соображениями культурной политики или социальной благотворительностью сталинского руководства, оно было принято под давлением необходимости модернизировать управление армией и производством, — первые партии часов изготавливались именно для командиров армии и производства. Для основной массы населения — сельских жителей, колхозников, рабочих промышленных предприятий, гулаговской популяции з/к, и других категорий населения, составлявших в общей сложности 85–90% страны, — никакой потребности в достаточно дорогой по тем временам вещице не было. Для них достаточно было фабричного гудка, рельса на вахте, не выключаемой радиоточки в бараке или коммунальной квартире, самого дешевого и громкого будильника. Время, как и свобода перемещения (мобильность), были предельно лимитированы и искусственно ограничены. Доля людей с высшим и средним специальным образованием не превышала нескольких процентов. В массовом масштабе процессы часовизации коснулись населения только вместе с увеличением удельного веса людей с высшим образованием (с 0.2% до 2–3% в 1950–1960-х гг.), урбанизацией (когда детей все раньше стали снабжать собственными ручными часами) и т. п., т. е. к концу 1950 — началу 1960-х гг, когда большая часть населения СССР переместилась в города, пусть даже это были города советского — «фабрично-слободского» — типа.

Предпосылки истории и историй. Для наших сюжетов важно подчеркнуть, что сознание гетерогенности и сложности систем времени задавалось не только изменением условий жизни, работы и коммуникаций, но и переменами в характере и уровне школьного преподавания, а также общей грамотностью населения, его элементарной способностью сознать большое время и удерживать большое число событий, не имеющих отношения к повседневной жизни. Напомню, что институциональные условия для массовой социализации к сложным формам времени сложились очень поздно. Нормативный уровень всеобщего начального образования (3 класса) был достигнут в СССР только к концу 30-х гг. (а это означало, что 15–20% взрослого населения оставались функционально неграмотными, принимая во внимание не только российскую глубинку, но и периферию Средней Азии, Казахстана и Кавказа, где фактически советская власть закончила свое формирование лишь к этому времени). Уровень

неполной средней школы (7-летнее образование) был достигнут к середине 50-х гг. или чуть позже. И лишь со второй половины 1960-х гг., после принятия решения руководства страны о необходимости всеобщего среднего образования (1963 г.), в жизнь стало вступать поколение, получившее учебники по истории и элементарное представление о всеобщей и отечественной истории. Если учесть, что преподавание предмета «История» в средней школе стало восстанавливаться самое раннее лишь с 1935 г.¹, а фактически массовый выпуск учеников, получивших какое-то представление об исторической схематике событий, пошел уже только после войны, в начале 1950-х гг. (война выкосила и первых учителей истории, и их учеников), то вряд ли стоит удивляться тому, что у старших поколений нынешних россиян массовое историческое сознание, массовая историческая память начисто отсутствуют.

Партийное руководство формирующегося тоталитарного режима довольно рано (сразу после смерти Ленина) пыталось выстроить генезис своего правления, но этому препятствовала незавершенность процесса формирования системы господства и сама ожесточенная борьба за власть в высшем руководстве страны, незакрепленность в этом пантеоне «места и роли» множества персонажей, объявляемых врагами народа, шпионами и предателями. Театральные и литературные инсценировки отдельных событий, следующие мифотворческой логике сотворения мира, противоборства с врагом рода человеческого, возвеличивания вождей революции и героизации масс², имеющие мало общего с реальным ходом событий, начались уже с 1919 г., но долгое время они не складывались в единую и цельную картину истории нового общества, времени и человека. Лишь после московских процессов, после Большого террора 1936–1938 гг., окончательно

¹ Решение Политбюро ЦК ВКП(б) об этом было принято в 1934 г., но его реализация затянулась на несколько лет, пока не был подготовлен в вузах необходимый объем выпуска учителей соответствующего профиля и подготовки. После революции преподавание истории, как и преподавание философии в университетах, было признано нежелательным и прекращено.

² Таков был, например, грандиозный спектакль «Взятие Зимнего» с участием нескольких тысяч солдат и матросов, применением бронетехники, орудий и спецэффектов, поставленный в 1919 г. на Дворцовой площади Н. Евреиновым, эмигрировавшим вскоре после этого из советской России. Его опыт инсценировки использовал С. Эйзенштейн при создании фильма «Октябрь», после чего кадры штурма ворот Зимнего дворца на всем протяжении советского времени использовались в качестве документального свидетельства массового революционного энтузиазма, имевшего место в дни Октябрьской революции.

была зафиксирована легенда власти, излагавшая исторический процесс новейшего времени как героическую историю борьбы за власть с царским самодержавием под руководством партии большевиков и строительства «нового общества». Ее каноническим изложением стал сталинский «Краткий курс ВКП(б)», после смерти Сталина превратившийся в «Краткий курс истории КПСС», который подлежал обязательному изучению во всех вузах страны, а в изложении вошел и в школьную программу. Представленная там периодизация и трактовка событий, набора и ролей отдельных персонажей стала основой представлений советских людей об истории вплоть до самого последнего времени. Всякие выходящие за рамки данной конструкции версии истории подлежали цензуре и суровому осуждению. Так была раскритикована «школа Покровского»¹, и не столько за вульгаризированные марксистские трактовки отечественной истории в духе экономического детерминизма, сколько за «антипатриотизм» и «очернительство», выразившиеся в негативных оценках имперской политики и стратегии централизации со стороны русских царей. (Точно за то же подверглась критике вторая часть фильма С. Эйзенштейна «Иван Грозный», где «неправильно трактовались» усиление централизации государственной власти и позитивная функция террора). Важна была именно сама упрощенная схема истории из «Краткого курса», к которой позднее, уже после войны, во второй половине 1940– начале 1950-х гг. присоединялись (придывались) отдельные иллюстративные эпизоды из предшествующей имперской истории: расширение империи, колонизация окраин, милитаризация страны, героизация армии как инструмента национальной консолидации, осуществление политики национального государства как планов мудрой власти и т. п.

Толчками или предпосылками для пробуждения некоторого подобия массового исторического сознания, пусть даже превращенного и мифологизированного, стали осмысление опыта войны, цены потерь и жертв населения, характера послевоенного руководства страной², акции «борьбы с космополитизмом», критика культа Сталина и первые шаги по десталинизации,

начало хрущевских реформ и их свертывание, подавление Пражской весны, показавшей образованному слою, что социализм как система реформированию не подлежит³, а также общее ослабление режима закрытости страны, заставившие усомниться в значимости философии советской истории. Критика сталинизма как основа легитимации преемников его власти стала стимулом к пересмотру господствующих версий истории становления СССР и его достижений⁴. Именно при Хрущеве начинается резкое расширение исторических исследований, происходит реформирование академических институтов (они дифференцируются в соответствии с тематическим профилем исследований), основываются новые исторические журналы, ставшие необходимым условием и пособием для подготовки новых учителей истории, а значит, и для пересмотра некоторых ее опорных моментов⁵.

³ См: Гудков Л. Пражская весна 1968 года в общественном мнении России 2008 года // Неприкосновенный запас. 2008. № 4. С. 141–151.

⁴ Первые варианты альтернативной истории войны (и характерно, что это были именно альтернативные версии начала войны, а не истории страны), появились и вызвали дискуссию в конце 60–х гг. – это была книга участника войны А.М. Некрича «1941, 22 июня» (М., 1965; книга была осуждена партийными органами и изъята из библиотек, автору – д. ист. н., старшему научному сотруднику Института истории АН СССР – дальнейшая научная деятельность была запрещена). Первой альтернативной, более или менее систематической «историей страны» оказался «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына (вышел на Западе в 1973–1975 гг.), постепенно проникавший в Россию и опубликованный массовым тиражом уже только после перестройки.

⁵ До революции, в середине XIX в. в России выходило более десятка специальных периодических научных изданий по истории, хотя и не журналов («Записки», «Труды», «Известия», «Сборники» и т. д.), выпускаемых научными обществами и университетами. Собственно исторические журналы появились только в пореформенное время (примерно в то же время, что и их европейские аналоги): «Русский архив», 1863–1917; «Русская старина», 1870–1918; «Древняя и новая Россия», 1875–1881; «Исторический вестник», 1880–1917; «Киевская старина», 1882–1906, «Былое», 1906–1907, 1917–1926; «Минувшие годы», 1908; «Голос минувшего», 1913–1923, и другие. Исторические журналы, появившиеся с установлением советской власти и закрытия старых изданий, подчинены потребности новых держателей власти в легитимации своего происхождения, что, собственно, и отражено в их названиях: «Пролетарская революция» (1921–1941, орган комиссии по истории партии при ЦК ВКП(б), «Каторга и ссылка» (1921–1935, орган Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев), «Красная летопись» (1922–1934, 1936–1937, и его украинская и грузинская версии; «Красный архив» (1922–1941); «Архивное дело» (1923–1941) и «Архивна справа» (1926–1931), «Историк-марксист» (1926–1941) и «Борьба классов» (1931–1936). Органом Института истории АН СССР, образованного в 1936 г., был «Исторический журнал» (1937–1945), переименованный затем в «Вопросы истории». (Характерна смена названий, отражающих постепенный отход от экспансии ортодоксального воинствующего марксизма и выработки единственно верного учения об истории, к усилению «нейтральной», а по существу великодержавной тематики). Во время хрущевской оттепели и критики культа личности Сталина возникла нужда в новых научных журналах,

¹ Главный удар по ней был нанесен в 1936 г., уже после смерти самого М.Н. Покровского.

² Критика сталинизма стала толчком к пересмотру господствующих версий истории становления СССР и его достижений, но последовавшая после свержения Хрущева реакция подавила эти импульсы ревизии истории, по крайней мере, в сфере школьного образования, хотя совсем погасить их было уже невозможно.

Отметим вместе с тем, что сами конструкции истории, пусть даже в самом грубом и идеологизированном виде, могли удерживаться лишь в тончайшем слое людей с высшим образованием, да и то не у всех. Академическая история, как и любая другая общественная дисциплина в советские годы, сохраняла свой государственный, сервильный по отношению к власти или обслуживающий ее характер. Историки в массе не были ориентированы на дискуссию, рационализацию истории и темных мест в ней, массовое просвещение, поскольку не чувствовали никакой профессиональной ответственности и этической сомнительности своего положения. Это же состояние сохраняется и сегодня.

Таким образом, параметры массового отношения к прошлому оказываются возможными только при уже сформировавшихся и институционализированных системах времени, при наличии разных «историй», разных источников исторического знания. Субъективная история, включая и личную память, предполагает «эксцентрический» статус личности в большом времени. Индивид в современном обществе, системе отношений со сложно устроенной системой «зеркал» и идентичностей, принадлежит сразу ко многим общностям, оказывается включенным во множество социальных связей, не будучи поглощен никакой из них целиком. В процессе социального взросления (завершения социализации к модерности, что обязательно должно коррелировать с собственно возрастными фазами, вполне допустимо мыслить подобную социализацию для уже «зрелого», по меркам традиционных сообществ, возраста человека, особенно это значимо для стран догоняющей модернизации) возникает дефицит нормативной определенности, становящейся проблемой для личности в ее отношениях с другими. Из этого состояния множества относительно слабых в общем и целом, но весьма значимых по отдельности ценностных ориентаций и ролевых квалификаций рождается потребность в самоопределении и самоидентичности, переопределении собственного отношения к другим, в том числе к тем, кто символизирует большие общности и коллективы.

в том числе и исторических. В 1955–1962 созданы журналы «Исторический архив», «Научные доклады высшей школы. Серия "Исторические науки"». В 1957 г. — «История СССР», «Вопросы истории КПСС», «Новая и новейшая история», в 1959 — «Военно-исторический журнал». Позднее стали издаваться и республиканские исторические журналы, существовавшие при академиях союзных республик (общим число около 25). Они выходили до конца существования СССР.

История здесь является необходимым компонентом смыслообразования, поскольку она выполняет функции «метода» или способа синтеза «нового» значения, объяснения «генезиса» субъективно полагаемого значения «прошлого», которое и становится основанием самоопределения личности как интегрированной целостности (морального, политического, социально дееспособного и сознающего себя в таком качестве существа) и последующей ориентации в мире. Лишь заново переопределяя для себя, что такое «революция», «ЧК», «сталинские преступления», «Холокост», «русский (российский) империализм», как ощущать себя «русским», сознавая все те преступления перед другими народами (внутри империи или в странах Восточной Европы), которые совершены советским режимом и т. п., человек обретает новую субъективную идентичность, независимую от идеологии и государства. Здесь история является условием социальной и интеллектуальной ответственности, дееспособности индивида, а значит, мерой социальной, политической и моральной вменяемости и дееспособности масс, общества в целом.

Начало истории. Рамки исторического сознания россиян определяются концепцией школьной истории России как истории государственной власти, или, другими словами, истории как легенды власти, которая принята обществом или навязана ему, а потому никакой иной версии истории здесь нет. Это не история нации (на поздних стадиях истории страны), не история ее культуры или «общества» (понятие, не существующее в российском коллективном сознании, поскольку это слово используется либо как эквивалент «населения в целом», либо стыдливый синоним государства в контексте употребления такой формулы, как «интересы общества»). Это история государственной власти в качестве силы, конституирующей и формирующей «страну» — подвластное и в большинстве случаев пассивное население территорий, присоединяемых властями к исходной территории благодаря завоеваниям или политическим интригам и колонизируемых с помощью средств принуждения и повседневного управления.

Начало истории для абсолютного большинства людей в сегодняшней России ничем не помечено, иными словами, нет никакого определенного, фиксированного события, которое могло бы стать основой государственного праздника и ритуала общенациональной

интеграции¹. Абсолютное большинство опрошенных (конститутивное большинство, т. е. та масса, которая несет основные коллективные представления) предпочитают полагать, что история нашей страны идет «с незапамятных времен, испокон века», с «Киевской Руси», с «образования русских княжеств», а это значит, что истоки национальной (или даже этнической) истории лежат в темноте мифологического времени творения или «безвременья» («однажды», «жили-были», «once upon a time») или аналогичного идеологического «и т. д.». Так го-

¹ Такими праздничными церемониалами являются символические события, вроде взятия Бастилии (14 июля) для Франции, Дня Благодарения или Дня независимости для США. Нет в России и какой-либо фиксированной точки истории, конституирующей основы государственного порядка и «демократического» устройства сообщества, договорного или октроируемого порядка всего целого, какой можно со всей условностью считать, например, Хартию Магна для Англии. Как и в других странах, прошедших через период тоталитарного господства (Италия, ФРГ), в России есть несколько формальных государственных дат, фиксирующих события, которые выдвинуты на роль моментов новейшей истории, конститутивных для посттоталитарного государства: День независимости России, День российского флага и совсем уж искусственный День единства, предназначенный заменить прежний коммунистический праздник образования нового, социалистического мира. (В Италии такими праздниками будут 25 апреля – День освобождения от фашизма и немецкой оккупации, 2 июня – День провозглашения республики и 4 ноября – День национального единства; в ФРГ всего один – 3 октября, День немецкого единства). Но все они не обладают достаточной силой для того, чтобы стать опорными символами нации, способными конкурировать сегодня с 9 мая – Днем победы или в советское время с ноябрьскими праздниками. Прежний центральный и опорный советский праздник Октябрьской революции 7 ноября, принятый населением в силу его давности, не так давно отменен сурковским агитпропом и практически уже умер, что говорит о неукоренности советской символики и ритуалов, действительном конце советской эпохи. С «упразднением» 7 ноября резко ослаблена граница между старым миром (дореволюционной царской империей) и новым – миром СССР. День Победы, постепенно выдвигаемый на роль главного государственного церемониала, еще не стал символическим фундаментом государства, хотя, судя по всему, дело идет к этому, так как других символических ресурсов у путинского режима нет (исключая, может быть, суррогаты православности). Признать 9 мая в таком качестве мешают два принципиальных обстоятельства: 1) это не исток, не начало всесильного государства, а лишь манифестация его триумфа, а значит, событие не может служить в качестве «мифа происхождения»; 2) это событие несет другую функциональную нагрузку: оно легитимирует власть (и нынешнюю как преемницу советской системы, и сам предшествующий нынешнему советский тоталитарный режим) и снимает с власти как таковой ответственность, выступает как скрытая апология любого деспотического правления. Попытки выдвинуть на эту роль дату Крещения Руси не проходят, во-первых, за давностью и отсутствием необходимой «образности» действия, а во-вторых, в стране с имперскими традициями праздник этноконфессионального единства не может быть конститутивным в государственном плане. Провозглашение империи при Петре Первом также не может служить символическим началом для истории, так как разрывает доевропейский («московский») период царствований и последующие периоды, характеризующиеся постепенным и частичным усвоением элементов европейской цивилизации.

ворят более 70% респондентов (сумма всех приведенных выше ответов, если к ним прибавить и затруднившихся).

С КАКОЙ ДАТЫ, ЭПОХИ, СОБЫТИЯ НАЧИНАЕТСЯ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ИСТОРИЯ НАШЕЙ СТРАНЫ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2003
Начало формы	
С незапамятных времен, испокон веков	39
С Киевской Руси	19
С образования русских княжеств	3
С Крещения Руси	11
С создания Московского царства	2
С царствования Петра I	10
С Октябрьской революции 1917 года	4
С принятия Декларации о суверенитете РФ (1990)	0
С распада СССР и создания суверенной РФ (1991)	1
С избрания президентом В. Путина	1
Другое	0
Затрудняюсь ответить	10
Число опрошенных	2004

Лишь незначительное число более образованных респондентов в состоянии дать несколько более определенную точку временных координат: это либо Крещение Руси (11%), т. е. вхождение региона, населенного славяно-варяжскими племенами, в историю мировой цивилизации на правах далекой периферии Византии, соединение конфессиональной и этнической истории, а значит, придание вневременному существованию этнических массивов символического (религиозного или, в поздних версиях истории, идеологического измерения), либо царствование Петра I (10%). В этих обоих вариантах важнейшим элементом конституции исторического целого оказывается отсчет истории с попыток вхождения в Европу, синтеза значений локального и универсального, без которого не возникает структура большого времени. В первом случае речь идет о включении во время мировых религий, во втором – об образовании империи и о политике протомодернизации страны, а значит, о заимствовании европейских внешних институциональных и культурных форм для определения направленного развития страны, появления «общества», отделенного от «государства». В любом случае условием для кристаллизации истории служат события, придающие внешнюю форму бесформенному племенному или языческому состоянию.

Другие варианты определения начала истории отсчитывают ее течение с Октябрьской революции 1917 г. (4%) или со времени создания Московского царства (2%), или даже с распада СССР, но все они явно не тянут на то, чтобы быть версиями, значимыми для всех. Таким образом, впечатлению «огромности страны» (размеры ее территории) и слабой структурированности символического пространства соответствует аморфность временной структуры событий.

Соображения о неопределенности или невнятности нарративной структуры русской истории в массовом сознании подтверждаются и характером распределения ответов о «хороших» и «плохих» событиях в прошлом, которые могли бы стать опорными точками этой истории. И «самые страшные», и самые радостные события – все сдвинуты к новейшему времени, к единственному бесспорному символу отечественной истории – Победе в Великой Отечественной войне 1945 г. Эту войну, завершившуюся победой, называют главным событием и среди самых ужасных (40%), и среди самых радостных (32%).

Рядом с этими нагруженными датами (победы и начала войны – в сущности, это тот же комплекс представлений) не стоит ничего равнозначного. Следующие по частоте упоминания события не идут ни в какое сравнение с этими, символическими. Из негативных точек на шкале времени приходится назвать (в порядке убывания): «чеченская война» – 7%, «перестройка» – 5, «развал СССР» – 5, «чернобыльская авария» – 2, «теракты 1999 г.» – 2%.

Еще бледнее выглядит положительная история. Здесь затруднившихся с ответов четверо больше, чем в списке отрицательных событий, а сам событийный ряд представлен меньшим числом конкретных дат, чаще называются периоды, воплощающие те или иные идеологические значения («оттепель», «1970-гг. / правление Брежнева», «советская власть», «перестройка», «отмена крепостного права» и т. п.).

Негативный ряд событий сильно сдвинут в сторону последних 25 лет, т. е. ко времени жизни нынешних старших поколений, – таковы 10 из 18 названных событий или периодов истории. Напротив, положительный ряд смещен в сторону эпох, предшествующих появлению на свет

Таблица 1

КАКОЕ СОБЫТИЕ, КАКОЕ ВРЕМЯ В ИСТОРИИ НАШЕЙ СТРАНЫ ВЫ БЫ НАЗВАЛИ САМЫМ ... (в % от числа всех опрошенных; некоторые ответы, данные менее чем 1% опрошенных, не приводятся, поэтому сумма ответов меньше 100%; 2003, N=2000)

страшным?	%	радующим, положительным?	%
Великая Отечественная Война (1941–1945 гг.)	40	Победа в Великой Отечественной войне	32
Чеченская война	7	Полет Гагарина в космос	7
Перестройка	5	Нынешнее время\правление Путина	5
Развал СССР	5	Советская власть	4
1917 г. – Октябрьская революция	4	70-е гг.\правление Брежнева	4
1937 г. / Репрессии	4	Перестройка	3
Сталинское время	2	Революция 1917 г.	2
Чернобыльская АЭС	2	Времена Петра I	2
1991 г. – Путч	2	Период после Великой Отечественной войны	2
Татаро-монгольское иго	2	Смерть Сталина	1
Террористические акты	2	Крещение Руси	1
Настоящее время	2	Олимпиада	1
Вторая мировая война	2	Вывод войск из Афганистана	1
Правление Ельцина	1	Распад СССР	1
Гражданская война	1	Отмена крепостного права	1
Кризис 1998 г.	1	Оттепель 60-х гг.	1
Афганская война	1		
Первая мировая война	1		
Всего упоминаний	84	Всего упоминаний	68
		Такого нет / не было	3
Затрудняюсь ответить	6	Затрудняюсь ответить	24

большей части нынешних россиян. Причем в качестве положительного значения выступает прекращение действия негативного фактора — конец крепостного права, конец Отечественной или Афганской войны, перестройка и распад СССР (видимо, как репрессивной системы), смерть Сталина и наступление «оттепели».

Такой акцент на негативных аспектах истории указывает на принцип формирования исторического времени и массового сознания «истории»: пассивность «субъектов истории» к силам «истории», т. е. зависимость общества, населения от действий властей. Действующими силами в истории оказываются лишь носители авторитета власти или ее оппоненты. Народ безмолвствует, у него нет ни языка для выражения происходящего, ни средств его фиксации и измерения, т. е. нет ни авторитетов, ни символов, ни шкалы для сопоставления значимости и масштаба событий. Те же самые признаки конституции «человека» мы обнаруживаем и в описании этнических типов, включая самоописание, отношении к социальным институтам и в других планах идентификации.

Аморфность исторических представлений россиян может объясняться не только слабостью символической структуры истории (тем, что общество в принципе не является «хозяйном временем»), но и тем, что мы сталкиваемся с разрывами в самой структуре истории, т. е. идущей сменой хозяев, держателей истории, не законченной к сегодняшнему дню, усиливающейся конкуренцией за право истолкования прошлого¹.

Направленность большого времени (векторы национально-государственной эволюции). Представления о направленности времени обусловлены сочетанием оценок фактического положения страны и перспектив жизни самих опрошенных, иллюзиями, надеждами, фобиями, отношением (доверяем/недоверяем) к власти и основным институтам, силой про- или антизападных установок, фазами жизненного цикла, располагаемыми ресурсами и в меньшей степени полученным образованием или социальными компетенциями. Но стоит под-

¹ Собственно, это и стоит за усилением государственного вторжения в сферу преподавания истории, созданием комиссии по борьбе с фальсификацией истории, острыми нервными реакциями на появление «антироссийских» концепций исторических событий в Польше и Украине, странах Балтии (альтернативных оценок Голодомора, пакта Молотова-Риббентропа, оккупации Восточной Европы), все большей помпезностью официального празднования Победы и др.

черкнуть, что степень дифференциации или поляризации оценок здесь незначительна, что само по себе является очень важной характеристикой состояния массового сознания. Прогнозы на будущее детерминированы не столько ориентациями на общую модернизацию страны, сколько на характер этой модернизации. Выделяются две практически равные группы респондентов: простодушно верящие в то, что «следующее поколение россиян будет жить в такой же стране, что и другие европейские страны», и другая группа, чуть постарше и с чуть более высоким уровнем образования, исходя из опыта последних лет, относится к этой версии с большим скептицизмом: «техника, вооружение будут похожими на западные, но жизнь людей будет иной». Четверть опрошенных (а это очень много в данном случае) затрудняется с ответом, что, в свою очередь, усиливает значимость вывода о неполяризованности, а значит, непрявленности представлений такого рода.

Еще три подгруппы суждений представляются необходимо маргинальными и равными по своим весам: «Россия будет развиваться по примеру азиатских стран (Китая, Индии)» (4%), «Россия вернется к социализму» и ее «ждет неминуемая гибель» (по 3%). Самоуверенность и надежды характерны в первую очередь для самых молодых, но не самых образованных москвичей (как, впрочем, и катастрофические сценарии, т. е. время здесь воспринимается более разнообразно); рутинные прогнозы (экстраполяция сегодняшнего положения) — для людей постарше и чуть более образованных, жителей периферийных городов. Реакционный или ретроориентированный сценарий — для носителей ностальгических и безосновательных представлений вчерашнего дня (см. табл. 2).

Такая невыраженность временных ориентаций — следствие не просто неразработанности перспектив страны, но механизмов фрустрации, подавления мнений о будущем, поскольку трезвое осознание того положения, в котором к настоящему моменту оказалась бывшая великая держава, оказывается в противоречии с общими рамками истории и коллективной самоидентичности. Признание краха идеологии и практики строительства «нового общества», несостоятельность претензий на статус великой державы оказывается слишком травмирующим, поэтому начинают работать механизмы вытеснения этого обстоятельства или его разгрузки, замещения. К концу перестройки (1989—1991 гг.) факт исторического поражения и отсталости России признавался большин-

ством опрошенных, но затем, по мере стабилизации положения вещей, начинал вытесняться, а после кризиса 1998 г. опять то открывался, то вытеснялся (табл. 3–5):

Понятно, почему мнение о принадлежности России к «великим державам» так неустойчиво: главный критерий отнесения из трех: благосостояние граждан, наука и техника, военная мощь — заключается в материальном благосостоянии и его росте. Его назвали 30–33%, однако только от 2 до 4% полагают, что Россия соответствует ему, что уровень жизни в нашей стране приближается к уровню «развитых стран» (табл. 6). Россия не обладает ни высоким уровнем жизни населения (что уже не требует доказательств), ни современной техникой или наукой (14–16% считают, что страна должна иметь высокие показатели по этому критерию,

чтобы войти в клуб великих держав, но лишь мизерное число россиян — 2–4% — уверены, что нынешняя Россия может претендовать на подобный статус по этим характеристикам). Единственно, чем она может сегодня похвастаться, это ракетно-ядерное оружие. Значимость данного показателя вынужденным образом, за неимением другого, в глазах россиян растет — численность группы, отмечающей эту позицию, за последние 10 лет увеличилась с 13 до 20%.

Еще больше вырос такой показатель, который до бума цен на нефть вообще не входил в число приоритетных — сырьевые богатства страны: за 10 лет значимость этого критерия (не связанного с идеей человеческого, морального, интеллектуального, культурного и тому подобного превосходства) выросла в 5 с лишним раз,

Таблица 2

КАК, СКОРЕЕ ВСЕГО, БУДЕТ ЖИТЬ РОССИЯ ЧЕРЕЗ 20 ЛЕТ? (в % от числа опрошенных; приведены лишь максимальные значения ответов в разных социально-демографических группах)

Вариант ответа		Максимальные значения
Станет в один ряд с другими развитыми западными странами	33	Мужчины, 16–24 лет, среднее образование, Москва
Техника, вооружения будут похожими на западные, но жизнь людей будет иной	32	25–34 года, высшее образование, средние и малые города
Россия будет развиваться наподобие других великих стран Азии (Китая, Индии)	4	Мужчины, 45–54 года, высшее и среднее образование, малые города и село
Вернется на путь социализма	3	Женщины, пожилые, неполное среднее образование, 65+, средние города и село
Россию ждет неминуемая гибель	3	Мужчины, 16–24 лет, высшее и неполное среднее образование, большие города
Затрудняюсь ответить	25	Пожилые женщины, с низким уровнем образования, село

Таблица 3

СУЩЕСТВУЕТ МНЕНИЕ, ЧТО НАША СТРАНА СИЛЬНО ОТСТАЛА ОТ ПЕРЕДОВЫХ СТРАН МИРА, И РАЗНЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА ТО, КОГДА ЭТО ОТСТАВАНИЕ НАЧАЛОСЬ. ЧТО ВЫ ДУМАЕТЕ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ? (выберите одну позицию; в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1989	2008
Не согласен: у нашей страны особый путь и свои достижения	10	28
Не согласен: наша страна — пример всему миру	2	5
Страна начала терять свои позиции из-за нынешней перестройки / Страна начала терять свои позиции из-за горбачевской перестройки	10	16
Отставание началось во времена (брежневского) «застоя»	17	8
Отставание началось во времена Хрущева	4	1
Отставание началось во времена «сталинщины» / Сталина	15	2
Отставание началось после октябрьского переворота	10	6
С татаро-монгольского ига / наша страна была отсталой с незапамятных времен	12	5
Страна перестала развиваться при Путине, начался новый застой	—	1
Затрудняюсь ответить	18	12

N=1500; сумма несогласных: 12 и 33%.

с 6 до 32%, как, впрочем, и другого показателя — размера территории (что тоже не сделано собственными руками), —поддержка которого увеличилась, хотя и не так сильно, — с 8 до 11%. Рост того и другого происходил за счет уменьшения количества «затруднившихся с ответом», другими словами, люди выбирали эти подсказки, разгружая себе от неприятного ощущения аутсайдеров.

Культура (литература, искусство, музыка), защита прав человека, эффективная система

образования не выступают для россиян основаниями гордости за свою страну, что сказывается на оценке качества страны и перспектив ее возможного развития, ее «истории». Поскольку никаких усилий или движений в сторону модернизации страны, существенного изменения ее устройства большинство россиян не видят, то в действие вступают механизмы психологической защиты либо компенсации, направленные на то, чтобы упразднить — но не причину травмы, а ее источник (по схеме: «не больно-то и

Таблица 4

С КАКИМ ИЗ ПРИВОДИМЫХ СУЖДЕНИЙ ВЫ В БОЛЬШЕЙ МЕРЕ СОГЛАСНЫ? (выберите один ответ; в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1994	2000	2008
Россия отстала в развитии от большинства передовых стран	41	50	29
Россия всегда была в числе первых и не уступит этой роли	8	10	20
Россия развивается по особому, своему пути, и ее нельзя сравнивать с другими странами	32	34	46
Затрудняюсь ответить	19	6	5
Число опрошенных:	3000	1600	1600

Таблица 5

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, РОССИЯ СЕГОДНЯ ЯВЛЯЕТСЯ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВОЙ ИЛИ НЕТ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1999	2003	2004	2005	2006	2007	2000	2008
Да, является великой державой / определенно да + скорее да	14	50	39	30	43	53	49	76
Нет, нельзя назвать великой державой / определенно нет + скорее нет	72	41	58	67	52	42	31	19
Затрудняюсь ответить	13	10	3	4	5	5	20	5
Количество альтернатив*	2	2	4	4	4	4	2	2
Число опрошенных:	2000	3000	1600	1600	1600	1600	1508	1600

*Чем меньше альтернатив, тем, естественно, более поляризованы оценки.

Таблица 6

ЧЕМ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ДОЛЖНА ОБЛАДАТЬ ЛЮБАЯ СТРАНА, ЧТОБЫ ВЫЗЫВАТЬ УВАЖЕНИЕ ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ? А КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ВЫЗЫВАЕТ СЕГОДНЯ УВАЖЕНИЕ К РОССИИ ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ?* (Ранжировано по правому столбцу; без ответов «другое» (=1%))

Вариант ответа	1997		2003		2006	
	Должна	Обладает	Должна	Обладает	Должна	Обладает
Высокий уровень благосостояния граждан	31	2	33	4	30	3
Высокий уровень развития науки и техники	14	2	15	4	16	4
Военная мощь, ядерное оружие	13	13	19	19	18	20
Соблюдение прав человека	9	2	8	1	8	2
Высокоразвитая культура (искусство, литература)	8	4	7	4	11	6
Богатые природные ресурсы	6	23	6	22	8	32
Большая территория	2	8	1	7	2	11
Развитая система образования	1	0	2	1	2	2
Россия сегодня не вызывает уважения в мире	—	25	—	18	—	10
Затрудняюсь ответить	14	20	9	18	7	10
Число опрошенных:	2300	2300	2100	2100	2100	2100

* Вопрос эквивалентен по смыслу: «Чем из перечисленного она сегодня обладает?» (Л. Г.)

хотелось», «у нас особый путь», «надо бороться с чужим влиянием»; см. ниже табл. 7С).

Соотношение мнений — «России нужно активно включаться в мировую культуру, ориентироваться на западные стандарты жизни» и «России нужно бороться с чуждыми русскому народу западными влияниями, возродить самобытный уклад жизни русского народа» — составляло в 1992, 1999, 2003 и 2008 гг. — 1.0, 0.4, 0.5 и 0.7. От состояния, характеризующегося относительно более распространенной ориентацией на внешний мир, желанием большей открытости страны (ожидание перемен, готовность к большей интеграции с западными и европейскими странами в особенности), после кризиса 1998 г. основная часть населения переходит к болезненному, взвинченному состоянию растерянности, в котором преобладают судорожные стремления закрыться, вернуться в знакомое и привычное состояние застоя, изолированности, отсутствия факторов тревоги,

фрустрации, угрозы, беды. Затем медленно и с трудом начинает выходить из него, хотя консерватизм общих настроений и ориентаций все еще преобладает. Защитные и компенсаторные рефлексы и комплексы вступают в действие: в 1999 и 2001 гг. мнение «Русские — великий народ, имеющий особое значение в мировой истории» — разделяли 57–58% опрошенных (по сути, эти суждения вполне справедливы, если учитывать, что каждый народ в Европе, имеющий сильное государство, сыграл особую роль в истории Запада, а лишь она оказывается «мировой»). Но уже вскоре после шока 1998 года первый всплеск русского национализма стал сталкиваться с более умеренным и разумным пониманием: «Русские — такой же народ, как другие» (доля последних ответов увеличилась с 36 до 40% за счет, прежде всего, большего числа затруднившихся с ответом). Иначе говоря, за это же время мнения в обществе стали более определенными и поляризованными.

Таблица 7 А, В, С

НИЖЕ ПРИВОДИТСЯ НЕСКОЛЬКО ПАР СУЖДЕНИЙ, УКАЖИТЕ, С КАКИМ ИЗ СУЖДЕНИЙ В КАЖДОЙ ПАРЕ ВЫ БЫ СКОРЕЕ МОГЛИ СОГЛАСИТЬСЯ? (дайте один ответ в каждой паре суждений; в % от числа опрошенных).

А. Вариант ответа	1992	1999	2008	
Россия должна сохранить за собой роль великой державы	72	78	86	
России не нужно претендовать на роль великой державы	14	9	6	
Затрудняюсь ответить	13	13	8	
Число опрошенных:	2069	2000	1508	

В. Вариант ответа	1999	2001	
Русские — великий народ, имеющий особое значение в мировой истории	57	58	
Русские — такой же народ, как другие	36	40	
Затрудняюсь ответить	7	2	
Число опрошенных:	2000	1000	

С. Вариант ответа	1992	1999	2003	2008
России нужно активно включаться в мировую культуру, ориентироваться на западные стандарты жизни	42	23	25	35
России нужно бороться с чуждыми русскому народу западными влияниями, возродить самобытный уклад жизни русского народа	40	58	49	49
Затрудняюсь ответить	18	20	26	16
Число опрошенных:	2100	2000	2000	1500